

Садина Светлана Семёновна

22 июня всё оборвалось и перевернулось... Отца сразу назначили комиссаром Калужского военного госпиталя и дома мы его почти не видели. Взрослые не отходили от радио – так потом будет всю войну. Поэтому я хорошо запомнила торжественный и строгий голос Левитана: «От Советского Информбюро. Вчера наши войска...». Немцы продвигались вперёд стремительно. Начались бомбёжки. Старшая сестра Нэля дежурила на крыше, гасила падающие фугасные бомбы. Я смутно помню отвратительные, завывающие звуки сирен и как меня хватают на руки и тащат в какой-то подвал. Там уже много мам с детьми и очень темно и страшно. Кажется, что из мрака с воем надвигается что-то огромное и ужасное, и оно вот-вот схватит нас и унесёт куда-то. Мы плачем всё громче, изо всех сил прижимаясь к мамам...

Мы надеялись, что Красная армия вот-вот остановит врага. Но в один из дней середины августа 41 года отец ворвался в квартиру с криком: «Соня! Немцы в городе! 20 минут на сборы! Грузовик внизу!». Мы быстро побросали какие-то вещи в кузов, туда же забрались сёстры, а я с мамой – в кабину с шофёром. И машина помчалась в Москву. Туда уже стекались тогда все эвакуационные потоки. Ночь провели в метро, которое стало гигантским бомбоубежищем. Утром с большим трудом удалось втиснуться в поезд на Иваново.

Иваново, Шуя, вся округа – это малая родина моих родителей. Мама выросла в многодетной семье Воздвиженских, в Иваново жили две мамины старшие сёстры. Мы остановились у тёти Анюты, женщины с добрым и приветливым лицом. Её старшая дочка Маргарита только что поступила в Ивановский пединститут на исторический факультет, а младшая, Калерия, училась в школе. Жили они на Рабочем посёлке в крошечной однокомнатной квартире на втором этаже. Спать меня укладывали на лестничной площадке, на сундуке у гладкой белой печки. Рядом на раскладушке – мама. Тётя Анюта спала в комнате на своей кровати, все остальные – на полу. Еду готовили на электрической плитке. Так и жили вместе – семь человек...

Мама старалась найти работу, ходила по каким-то учреждениям и, возвращаясь, часто плакала: работа не находилась. Неожиданно у Нэли поднялась температура, на лице, на груди и спине появились нарывы. Ей было очень больно. Я помогала ей одеваться, очень жалела её. Врач сказала: «От всех ваших передряг и недоедания у девочки развился фурункулёз». Школьный год Нэле пришлось пропустить....